

МЫ СИДИМ в гостиничном номере. Хозяин, человек средних лет, меня обманывает. На глазах. Безбожно. Взял у меня серебряную монетку и бросил ее в воздух. Она взлетела и, остановившись, растворилась. Каюсь, время я сижу в недоумении. Но хозяин вытаскивает мою монетку из подошвы своего туфля и улыбается:

— Вы не огорчайтесь. Ваши деньги тут.

Итак, то, что тысячу раз я читал в книжках про волшебников, мне предметно погрозывают. Только делает это чародей из легенд, а народный артист Армянской ССР Арutyн Амаякович Акопян.

А что он выделяет с афишой! С самой обычной, каких тысячи на улицах города. Рвет ее на куски, комкает в плотный клубок и вдруг из кулака пыгасицнаст... двадцатипятирублевки, десятки, пятерки. Когда зрители придут в полную растерянность, он прищурит глаза и с восточным лукавством скажет:

— И вот так каждый вечер!

Понятно, какой смех стоит в зале.

— Я вас, дорогие товарищи, сейчас буду честно обманывать — там начинает артист свои выступления.

И, между прочим, он прав. Ведь никакой аппаратуры, решительно никакой «современной техники» нет у Акопяна под руками. Быть манипулятором — значит достигать всего только трудом, исключительной натренированностью рук. Зрители захлебываются от восторгов. Но никто не знает, каких трудов стоит каждый трюк Арutyну Амаяковичу. Три — четыре часа ежедневных тренировок. Собственно, все сводится к работе пальцев. Маленькие, худые акопиновские пальцы штурмуют пальцев любого пианиста.

Вот почему часто зрителю неподомек, что нет никаких чудесных превращений, есть ловкость рук.

Да что там зрители! Во Франции даже коллеги-илюзионисты засомневались во многом. Сначала они сидели в зрительном зале театра Бабино, что в рабочих квартирах Парижа. Среди поклонников иллюзионного искусства был президент иллюзионного общества, старый маг, пропедший на сцене полвека. После представления он

прышел за кулисы театра Бабино и, поздравив с успехом Акопяна, пригласил его к себе.

Акопян думал, что у старика-фокусника будет просто чаепитие. Но, приехав к нему в виллу, был удивлен. Здесь готовилось грэндиозное состязание сильнейших фокусников Парижа.

— Милости просим с нами посоревноваться, — приветствовал Акопяна.

Арутюн Амаякович взял в руки колоду карт, сделал движение ладонью, колода веером рассыпалась. Ладонь опустела. Пауза — и вновь карты летят на пол с той же рукой. Но где же их хранил Акопян? Он ведь обе сторонами ладоней показывал. Мгновение — и карты сыплются уже с левой руки. Потом еще и еще.

Старик — президент магического общества Франции — еще в театре понял, что сегодня он наградит Акопяна золотой медалью. Эта медаль весом в 75 граммов, которая в течение десяти лет никому не присуждалась, украсила грудь советского артиста. На медали короткая надпись: «Париж признает самым крутым гранд-иллюзионистом Акопяна. Париж, 27-11-59 г.».

Арутюн Амаякович принял медаль как высшую оценку советскому искусству. Впрочем, такую оценку нашему иллюзионному искусству уже давали и прежде и на грады вручали тоже Акопяну.

На ЦЕЙЛОНЕ Акопян с блеском пронес гордое имя советского артиста. В столице государства Коломбо проходили международные соревнования иллюзионистов. Виднейшие фокиры Китая, Японии, Франции, Италии съехались сюда. Словом, каждая из двенадцати стран, принявших участие в этом состязании, знала, кому посыпать. Выступление советского артиста не входило в программу соревнований. Акопян оказался на Цейлоне случайно. Приехал на обычные гастрольные вы-

Саркар нажимает кнопку, пила рычит, опускается.

Публика слышит, как ее зубья заскрижелят, стараясь разделить женщину на две части. Вот уже и кушетка перевернута пополам. Ее раздвигают — расходятся в разные стороны (тут никого не проведешь) голова и ноги женщины.

У публики волосы дыбом. Пока еще не поймешь, отчего. Или от мужества индянки, не выдавшей ни звука своей боли, или от бесчеловечности фокусника.

Но — пистолетный выстрел, и индянка как ни в чем не бывало поднимается с кушетки, делает поклон зрителям и уходит с арены.

Ужасы сменяются восторгами, удивленные зрители встремляются и провожают иллюзионистов, представляющих искусство разных стран.

И вдруг публика в недоумении. Что за бедность? Ни тебе техники, ни игры световых лучей. На авансцене стоит один на один со зрительным залом человек в черном фраке, белых перчатках, цилиндре и с тростью.

Кто он? Что он будет делать?

Он — советский артист Арutyн Акопян. А будет «честно обманывать» зрителей.

Иннистка Лидия Окремова опустила пальцы на клавиши. Акопян делает несколько шагов по арене. Снимает одну перчатку, другую. Берет их в правую ладонь, и, словно два голубя, они взлетают вверх. Все. Больше их не видят. Они слились с воздухом, растворились в нем.

Публика неистово благодарит советского артиста, отбивая ладонями четкий ритм.

Акопян, не обращая внимания на ажиотаж, приподнял трость над грудью и оставил ее стоять в воздухе. Акояну мешает цилиндр, он снимает его и вешает на трость. Она не склоняется.

На смену советскому артисту приходит десятый однодцатый участник состязания. Но уже не тот эффект.

Настоящее искусство зрители уже видели, его привез советский артист.

Участники состязаний выстроились в ше-ен-гу, ждут оценки своего мастерства. Председатель жюри объявляет итоги и делает шаг к Акопяну. Ему присуждена первая премия — шкатулка «Золотой лев». Внутри ее Почетная грамота, удостоверяющая, что Арutyн Амаякович Акопян — член Международного магистского круга.

ОТКУДА такой талант? Где учился своему мастерству Акопяну?

Во всяком случае, ни в строительном техникуме, ни на факультете аэрофотогеодезии Московского вузя, где он получал образование, фокусы не преподают. Да у нас пока этому виду искусства вообще нигде не обучают.

Тем большее творчество требуется от артистов. У молодых иллюзионистов есть на вооружении опыт Акопяна, его три книги «Десять фокусов», «Фокусы на эстраде», «Пятьдесят фокусов». Но самому Акопяну помогли к его творчеству только собственная мысль да добрый совет жены Лии Акопян. Она тоже артистка солистка Московской государственной эстрады.

Кстати, ее одобрение было первой похвалой и для четырнадцатилетнего Акопяна, сына Акопянов. Он ведь тоже хочет выступать в папином жанре. И даже уже выступал перед ребятами на елке в Центральном Доме работников искусств. А потом по телевидению. Это был волшебник — инициатор, инициатор. Только современный. В его ассортименте не какие-то древние предметы. Он работал с мусикским галстуком и конфетами «Мишка на Севере».

Вот только второй — восемнадцатий сын никак не поймет прелестей жизни волшебников. «Хочу быть космонавтом», — твердит он. Как говорится, имена разделились...

Л. САВЕЛЬЕВ.
Фото А. Бринцева

ЧАРОДЕЙ

ступления. И вдруг в местной газете заметка, подписанная американским артистом: мол, посоревнуемся, господин Акопян!

— Есть еще три дня в запасе, — подсчитал посол СССР на Цейлоне Яковлев. — Думаю, сможете. Арutyн Амаякович, приготовьте себе программу.

Три напряженных дня, а затем — жеребьевка. Выпalo — выступать двенадцатым.

Восточная публика избалована подобными представлениями. И все же от этого флоуума чародеев ждет чего-то необычного.

Факиры понимают это. Все — от их реквизита до магических заклинаний — блещет на эффект, загадочность, таинственность. Богатая техника, яркие лучи осветительных ламп меняют цвета.

Новый трюк — новая удача. На арене греческий иллюзионист Хамарадос. Движения величественные, повелительные. Униформисты, выполняя команду фокира, выполняют сосуд. Не больше, чем двухведерный. Потом наполняют его водой. Пять, десять, двадцать педер уже опрокинули туда, а его глиняная утюба все еще не наполнилась.

Факир дает знаки, опускает ладонь в воду. Зрители видят, как она серебрятся в его руке.

Хамарадос накрывает сосуд черным платком, делает несколько магических движений руками.

«Что же теперь будет? — пытаются в догадках зрители. Они думают всего, но только не этого. Из сосуда, оказавшегося совершенно без воды, выходят наружу липучки.

Как настоящий волшебник, стоит перед зрителями индийский артист Саркар. Чуть в стороне — кушетка, на которой лежа замерла красавица индянка, на крытая легким покрывалом. Над ее грудью диск электропилы.